

ОБРАЗОВАНИЕ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья рассматривает феномен образования в условиях постиндустриального общества и глобализационных процессов. В нашей стране в условиях перехода к рыночной экономике преобладающим становится экономическое отношение к образованию («образование – товар»), что неизбежно приведет к его деградации.

Концепция постиндустриального общества возникла в результате развития и совершенствования идеи индустриального общества. Идея индустриального общества была разработана в середине XIX века в работах А. де Сен-Симона, Огюста Конта и Джона Стюарта Милля. Буржуазное общество рассматривалось в этих трудах как общество «промышленников».

Западные социологи XX века обратили внимание не на анализ классовых противоречий, а на выделение отдельных фаз на основе технологии жизнедеятельности общества. В результате анализ фаз экономического развития, производимый на основании эволюции отношений обмена и разделения труда, оказался соединенным с вычлениением аграрного, индустриального и постиндустриального общества. Стали понятны роль и значение тех инструментов, которые общество вынуждено использовать для обеспечения своего прогресса. На этом направлении возникло учение Т. Веблена об институциональных факторах.

В свете исследований Т. Веблена стало ясно, что классовое противостояние было делом общественных групп, не имевших серьезной исторической перспективы. Средневековый строй военной аристократии и зависимых крестьян не возник из основных классов рабовладельческого общества, а именно рабовладельцев, свободных граждан и рабов, а заместил их. Таким же образом буржуа и пролетарии не были основными элементами средневекового строя. На наших глазах рухнул миф о возможности «победы» и «господства» рабочего класса. Западные общества разделились на меритократию (Д. Белл) и когнитариат (О. Тоффлер). Значение этих социальных групп было еще недавно минимально.

Примечательно, что первая работа, определившая будущее человечества как постиндустриальную цивилизацию, вышла в Лондоне в знаменитом 1917 году, когда большевики начали свой грандиозный проект (Penty A. *Old World for New: A Study of Post-Industrial State*. L., 1917).

Отметим, что методология теории постиндустриального общества близка диалектическому методу, примененному Марксом в «Капитале». Методология Маркса не была копией метода Гегеля, она включала элементы позитивистского метода, особенно применительно к философии истории. Именно благодаря этому Маркс разработал концепцию общественных формаций. Эта концепция позволила Марксу понять социальный прогресс как совершенствование форм и методов материального производства. Методология теории постиндустриального общества работает в этой же парадигме, т. е. продолжая осмысление степени совершенства материального производства. Если превосходство одного общества над другим марксисты оценивают по производительности труда, то постиндустриалисты – по источникам энергии и формам производственного процесса. Членение исторического процесса на периоды личной зависимости, вещной зависимости и свободной индивидуальности почти совпадает с выделением доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ.

Обе теории членят исторический процесс на три большие фазы. Марксисты различают архаическую, экономическую и коммунистическую общественные формации, а сторонники постиндустриализма – аграрное, индустриальное и постиндустриальное общество или первую, вторую и третью «волны» в истории цивилизации (О. Тоффлер). Каж-

дое движение рассматривает предложенное им деление исторического процесса как работающую абстракцию. Так, Д. Белл рассматривает идею о постиндустриальном обществе как абстракцию, созданную для упорядочивания наших знаний о перспективах прогресса цивилизации. Переход от одной формации к другой рассматривается ими в качестве отдельной исторической эпохи (Маркс в письме к Вере Засулич). Обе парадигмы рассматривают переходы между общественными формациями как содержащие революционные изменения. В то же время характер революционных изменений будет различным между переходом от доэкономической к экономической формации и от экономической формации к коммунистической или постиндустриальному обществу. Энгельс говорит об отличии политической и социальной революции.

Возможна аналогия между постиндустриальным и коммунистическим обществом. То и другое общество достигается на основе технического прогресса. Общество свободной индивидуальности, как характеризуют коммунистическое общество классики марксизма, можно считать дополненным развитием способностей человека, замещением трудовой деятельности проявлениями творческой активности, как характеризуют постиндустриальное общество его исследователи. В том и другом случае общество будет гуманистическим, его идеалы достойными целями человека. И коммунизм, и постиндустриальное общество рассматриваются как постэкономическая фаза общественной эволюции.

Рассматривая постиндустриальное общество, исследователи с необходимостью обращаются к анализу социальных проблем. Дело в том, что отчуждение не только связано с экспансией индустриальной системы, но и непосредственно порождено ею. В условиях отчуждения, по Фромму, «человек не воспринимает себя активным носителем своих собственных власти и богатства, а чувствует себя усовершенствованной «вещью», зависимой от внешней силы, которая определяет смысл его жизни». Не массовое производство благ, а максимальное развитие и максималь-

ное использование человеческого потенциала – вот к чему пришло современное западное общество. Экономические ценности все больше заменяются и замещаются приоритетами социологизированными. В западных корпорациях происходит замена материальных нужд потребностями человека. В результате общество становится способным к быстрому развитию через взаимодействие с преобразованной человеком природой, что характерно для общества индустриального типа, а «игрой между людьми» (Д. Белл).

С чего начинается разрушение индустриального общества? Оно происходит в сферах образования, труда и досуга. «Адаптивные корпорации» начинают отказываться от приоритета максимизации прибыли и поляризации социальных структур. В обществе повышается роль научно-исследовательских центров и университетов, вокруг которых группируется все возрастающее количество людей и где создается все большая доля национального продукта. Возникают неприбыльные организации, участие в которых носит добровольный характер и которые становятся важными центрами принятия решений и воздействия на остальные общественные институты. Эти сдвиги отражают переход от экономики, организованной на основании стихийных законов рынка, к хозяйству, носящему не плановый, но согласованный характер» (А. Винер).

Теоретики постиндустриального общества все чаще рассуждают о пределе рыночных отношений (О. Гоффлер, П. Дракер). В качестве основной черты современной экономики указывается на быстрое замещение труда знаниями. Утверждается, что развитие человека становится сегодня главным условием любого хозяйственного прогресса. В таком случае предполагается, что возможна в массовом масштабе замена трудовой деятельности новым типом активности, отличающимся элементами творчества. Социологи отмечают, что все возрастающее число людей посвящают значительное количество времени семье, участию в общественных организациях, самообразованию, занятиям спортом. Меняется главный мотив деятельности. Место быстрого профессио-

нального роста начинают занимать круг семьи и привычные увлечения. Понять такого рода изменения может лишь концепция, ориентированная на исследование социальных проблем.

Вполне понятно обращение исследователей к изменениям в культуре и социальной жизни. С начала 90-х годов большое влияние приобретает концепция постмодернизма. Здесь следует обратить внимание на пионерские работы Ж.-Ф. Лиотара.

В то время как весь мир переходит к отношениям, которые выводят за рамки субъект-субъектных отношений с помощью информации и знаний, Россия легкомысленно сужает свое пространство, пренебрегая информацией и знаниями. Концепция «догоняющего развития», взятая нами на вооружение, должна быть оценена как принадлежащая индустриальной эпохе.

Точно так же советские экономисты отвергали принципы рыночной экономики, а сейчас к этому пришли западные страны. Мы перестроились и направились путем противоположным выбранному всем цивилизованным миром. Сторонники постиндустриального общества начали поиски общественных форм, которые способны заменить традиционное рыночное хозяйство еще в 60-х годах. Они пришли к выводу, что водоразделом между капиталистическим и социалистическим хозяйством является не отношение к рынку, товарному хозяйству или частной собственности, а допускаемая степень социальной и политической свободы. Еще до Второй мировой войны П. Дракер писал: «Экономически эта система может демонстрировать чудеса эффективности и производительности, но вместо культивирования истинной свободы социалистическое общество воспроизводит феодальные порядки, с той лишь разницей, что сербы постоянно провозглашаются истинными созеренцами».

Однако демократия не является чисто политической проблемой. В основе демократии лежит равноправное взаимодействие – основа рыночного обмена. Именно коммерция заставила достигнуть равенства, отказавшись от иерархической системы. Основой этого уровня свободы была частная соб-

ственность, защищаемая от внешнего мира национальным государством.

Маркс указывал, что социум развивается в направлении обретения человеком все большей свободы. Маркс писал, что при коммунизме будут преодолены формы личной и вещной зависимости, и человек превратится в свободную индивидуальность. Новый тип свободы, по Марксу, приведет к преодолению рынка. Это положение игнорировалось советскими учеными. По Марксу, человек не может стать свободным, не выйдя за пределы собственно материального производства.

Как же достичь состояния, когда индивидуальность станет важнее организации и власть утратит свой прежний общественный характер? Достичь нового состояния можно лишь тогда, когда основой социального прогресса станет не массовое материальное производство, а индивидуализированное создание информации и знаний. По Д. Беллу, информация – основной производственный ресурс постиндустриального общества, она «рождает власть высшего уровня». Это не власть грубой силы и капитала, это наиболее демократичная власть.

На этой основе происходит трансформация общества: в производстве возникает новый тип работника, подрывающий основы частной собственности и принципы функционирования традиционной корпорации. Просто большинство уже не обладает ни достаточным моральным, ни достаточным экономическим правом принятия решений. В политической сфере информационная революция глобализирует происходящие процессы и радикально ограничивает возможности национального государства.

Каким же образом начинается в общественном производстве отход от традиционных принципов организации?

Становление постиндустриального общества началось, по Д. Беллу, с экспансии экономики услуг. Другие исследователи указывают в качестве начала развития информационного сектора. Обобщая, можно сказать, что переход от создания материальных благ начался с производства услуг и информации. В добывающей промышленности США заня-

тость сократилась с 1980 по 1994 г. на 41%, а занятость в сфере услуг повысилась на 78%. Внутри фабричных цехов все меньшее количество рабочего времени приходится на производство в его традиционном понимании. На рабочем месте во все большей степени становится потребление информации и знаний. В США к 1995 г. было создано 20,7 миллиона рабочих мест на дому.

Результатом этих процессов становится размывание границ между производительным и непроизводительным трудом, между трудом по производству материальных благ и услуг, что приводит к устранению самой границы между производством и потреблением. В новом производстве большую роль играет потребление, а производственная деятельность начинает рассматриваться как разновидность досуга. О. Тоффлер в работе «Третья волна» отметил, что «рынок не является ни капиталистическим, ни социалистическим. Он является прямым, неизбежным последствием отделенности производителя. Там, где имеет место эта разделенность, возникает рынок. Там же, где разрыв между производителем и потребителем сужается, функции, роль и власть рынка оказываются поставленными под вопрос».

Как же быть с марксистским положением об уничтожении частной собственности как условия коммунистического общества? Переход от частной к коллективной или общественной собственности не решал проблему. Исследователи постиндустриального общества справедливо отмечали, что собственность превратилась в юридическую фикцию. Вопрос не в передаче частной собственности в руки мелких собственников, а в формировании собственности на информацию и знания. В таком случае невозможным становится отделение труда от капитала, а возникает соединение труда и средств производства.

На наших глазах в развитых странах возникают общества, в которых человек не зависит в той степени, как это было в индустриальной цивилизации, от собственности представителей господствующего класса на средства производства, так как главными из них становятся знания, не отделяемые от че-

ловека, а условия их развития и применения оказываются все более доступными. Представляется справедливым тезис Ф. Фукуямы о том, что «классовые различия, существующие сегодня в Соединенных Штатах, вызваны прежде всего различиями в образовании» («Конец истории»).

Не случайно в постиндустриальном обществе происходит глобальная модернизация социальных структур и резкое изменение общественных ценностей. При этом изменяется сама сфера применения человеческих способностей. Главным становится не физическая сила, а человеческие суждения, оценки, творчество, способность к инновациям. Соответственно люди, вовлеченные в новое производство, утрачивают сугубо материальную мотивацию своих действий. Это историческое изменение не столько проистекает из применения технологических аспектов производства, сколько имеет экономическую природу. Человек, достигший материального благосостояния, может позволить себе поиски самовыражения вне традиционных стереотипов поведения. Поиски начинаются с обеспечения более высокого «качества жизни». Социологи отметили, что основным достоинством того или иного вида деятельности люди видели чувство удовлетворения от проделанной работы и контакты с людьми. Высокая зарплата ушла с первых мест в системе ценностей. На первые места вышли постматериалистические ценности, основанные на стремлении к самовыражению и саморазвитию. Развитие духовных потребностей потребовало радикальной перестройки экономики, традиционно ориентированной на материальные ценности. Управлять такого рода работниками можно, как если бы они были членами добровольных организаций. Возник новый социальный конфликт – противостояние между носителями материалистических и постматериалистических ценностей.

Новую корпорацию, которая соподчиняет свои цели со стремлениями своих работников, О. Тоффлер называет «адаптационной корпорацией». В такого рода корпорациях не разделены собственность и участие, деятельность и контроль, в них существуют большие возможности для проявления ответ-

ственности работников и обеспечения их саморазвития.

После участия в работе XIII Всемирного социологического конгресса (Биллефельд, 1994) известный уральский социолог Г.Е. Зборовский писал: «Было бы хорошо для социологии образования проявить интерес, скажем, к концепции постмодернизма и с учетом ее идей осуществлять свои исследования». (Зборовский Г.Е. Социология образования и социология знания: поиск взаимодействия // Социс. 1997, № 2, с. 3).

Постмодернизм появился как следствие необходимости объяснения с философской, этической и эстетической точек зрения сложных изменений в обществе, политике и культуре в конце XX века. Изменения в общественной жизни были связаны со вступлением развитых западных стран в стадию постиндустриального общества и завершением длительного противостояния между либеральной демократией и конкурирующими общественными идеологиями (фашизм, коммунизм и другие). Исчезла угроза глобальной ядерной войны, укрепилось сотрудничество между крупнейшими державами мира, заметно расширили сферу своего влияния демократические принципы. Вместе с тем в эпоху постмодерна наблюдался рост взаимозависимости стран и народов, обострение глобальных проблем, возникновение новых угроз (терроризм, наркобизнес, распространение ядерных технологий, религиозный фундаментализм, национализм).

Специфика эпохи постмодерна, ее отличие от эпохи модерна были признаны многими исследователями современности. Однако научная интерпретация эпохи постмодерна осуществлялась в зависимости от школы и мировоззренческих позиций автора. Например, для Ф. Фукуямы эпоха постмодерна означает конец истории в ее классическом смысле и ее продолжение в виде бесцельной смены поколений, аналогичной гегелевской «дурной бесконечности». Для создателя «критической теории» Ю. Хабермаса эпоха постмодерна означает необходимость радикального изменения принципов модернистского общества и использование их в современных условиях.

Постмодернисты считают, что концепция человека и общества, выработанная в эпоху Просвещения и основанная на вере в разум, науку и прогресс, не работает в век концлагерей, религиозных войн и экологических катастроф (Ж. Деррида).

Другой причиной возникновения постмодернизма явился кризис позитивистских концепций, особенно структурализма, четко обозначившийся к концу 60-х – началу 70-х годов. Это обусловило становление «критической теории» Ю. Хабермаса, направленной на возрождение нормативного подхода к анализу социально-политических проблем. Постмодернисты одними из первых указали на то, что главной опасностью структурализма и системного подхода в общественных науках является чрезмерная формализация разноликого социального процесса.

Философскую основу постмодернизма составили труды психолингвистов и семантиков, в основном французских постструктуралистов. Большое влияние на становление постмодернизма оказали различные течения в послевоенных западных изобразительном искусстве, архитектуре, литературе, кинематографе, которые в знак протеста против тотального господства разума, приводящего к чудовищным формам отчуждения, поставили в центр своего внимания внутренний мир человека, его субъективное видение окружающей действительности и индивидуальные переживания. Новое видение мира породило немало интересных произведений искусства.

По мнению Ж.-Ф. Лиотара, «постпозитивистская революция» связана с изменившимся статусом и функциями гуманитарного знания в постиндустриальном обществе. Если идеалом позитивизма был «чистый» анализ политических реалий, лишенный ценностной, идеологической окраски, то под влиянием постмодернизма проблема ценностей, включая ее этический аспект, стала выдвигаться на передний план.

Один из основоположников постмодернизма английский философ Р. Рорти подвергает критике рационалистическую теорию познания, на которой основывались общественные науки эпохи модерна. Он считает,

что главный тезис рационализма «человеческие знания отражают суть происходящего в природе» в корне неверен, ибо невозможно создать абсолютно нейтральные условия для познающего субъекта, обеспечивающие объективность знания. По его мнению, вера в познаваемость мира приводит сторонников рационализма к тому, что они постоянно увлекают новыми теориями, которые, как им кажется, объясняют мир, но на самом деле ошибочны, как и прежние. Главную свою задачу Р. Рорти видит в «разрушении аналитической философии». По его мнению, на смену «аналитической философии» должна прийти «риторическая философия», в основу которой должен быть положен релятивистский принцип «диалога-беседы». Суть этого подхода заключается в том, что новое знание порождается не в результате взаимодействия субъекта и объекта, а в ходе сопоставления мнений и взглядов индивидов по той или иной проблеме. По мысли Р. Рорти, истину все равно нельзя познать, но более или менее «правдоподобный отчет» об истине с помощью диалогового метода все-таки можно дать.

Воззрения Р. Рорти получили развитие в работах французских обществоведов, увлекшихся теориями постструктуралистов в лингвистике. Согласно их учению язык отражает отношение не между тем, что служит обозначением предмета, и самим предметом, а только между «обозначающими». В результате постмодернисты пришли к выводу, что не только отдельные слова, но и категории науки и ее тексты не отражают окружающий мир, а являются порождением рефлексивных субъектов. Это дало постмодернистам основание говорить об «исчезновении объекта» познания и о необходимости замены диалога между субъектом и объектом в процессе познания «диалогом между текстами», в их терминологии «интертекстуальностью» как методом познания.

Постмодернисты утверждали, что раз текст может быть понятым только по отношению к другому тексту, то фигура автора становится излишней. Тезис постмодернистов о том, что «нет ничего вне текста» (Деррида), следует понимать не только как «ис-

чезновение объекта», но и как исчезновение познающего субъекта («смерть автора»). Доказывается данный тезис следующим рассуждением. Любой текст пишется с использованием языка, изобретенного не самим автором, а другими людьми, а также других текстов, к которым автор не имеет никакого отношения. Автор не в состоянии проконтролировать дальнейшую судьбу своего текста, защитить его от неправильного понимания. Он не может поручиться, что правильно выразил свою мысль и что она адекватно понята другим.

Исследовательский процесс, по мнению постмодернистов, заключается в сравнении и сопоставлении текстов, их критическом анализе с тем, чтобы выявлять в них противоречия, ошибки, неясности, наслоения. Это так называемая «деконструкция текста».

«Интертекстуальность» и тезис о «смерти автора» с необходимостью приводят к размышлению о «конце человека». «Археология нашей памяти, – пишет М. Фуко, – убедительно доказывает, что человек – изобретение сравнительно недавнего времени и, возможно, идущее к своему концу». Он сравнивает человека с лицом, «нарисованным на прибрежном песке и стираемым морем». (Фуко М. Порядок вещей. Л., 1970. С. 387).

В самых разных видах знание выступает объектом социологического анализа. Та часть социологии знания, что исследовала научное знание, постепенно превратилась в социологию науки. Другая часть, что исследовала знание, основанные на здравом смысле и обыденном сознании, превратилась в современную социологию знания. Наиболее характерной для нее оказалась тенденция движения от научного к житейскому, повседневному знанию. Отметим, что повседневное мышление является важной ориентационной основой поведения человека.

Социология знания исследует социальную детерминированность различных форм мышления и знания. «Предметом социологии знания, пишут П. Бергер и Т. Лукман, – является взаимосвязь человеческого мышления и социального контекста, в рамках которого оно возникает» (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование ре-

альности. Трактат по социологии знания. М., 1995, с.14).

Наиболее глубоко проблематика образования была разработана основоположником социологии знания – Карлом Мангеймом в работе «Социологический подход к образованию». Мангейм рассматривает образование как социальный феномен, а не «как взаимный обмен между двумя индивидами, учителем и учеником, на уровне личных отношений» (Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994, с. 481). Такой подход позволил представить образование как часть общего социального процесса. В качестве социального явления в содержательном отношении образование есть не что иное, как передача знания, его восприятие и усвоение в ходе социального взаимодействия педагогов и учащихся.

Другим важным моментом социологического анализа образования, по Мангейму, является то, что образование может быть правильно понято лишь тогда, когда мы будем рассматривать его как «один из способов воздействия на человеческое поведение и как одно из средств социального контроля» (там же, с. 480).

Понимание взаимосвязи образования с обществом, его социальными структурами приводит к следующему выводу: «Ни одна система образования не в состоянии поддерживать у нового поколения эмоциональную стабильность и духовную целостность, пока она не имеет своего рода общей стратегии с социальными службами, действующими за рамками школы. В наше время лишь во взаимодействии с ними можно контролировать социальные влияния, которые в противном случае дезорганизуют жизнь общества» (там же, с. 480).

Мантгейм обращает внимание на связь между образованием и политической активностью: «Как только массы становятся политически активными, возникает необходимость в новых формах образования, а отбор и поддержание высокого индивидуального уровня элиты становится делом всеобщей важности. На этой стадии уже невозможно ограничить проблему образования рамками школы» (там же, с. 481).

Суть подхода К. Мантгейма к образованию можно выразить следующими пунктами: 1. Образование формирует не человека вообще, а человека в данном обществе и для данного общества. 2. Наилучшей образовательной единицей является не индивид, а группа. Группы отличаются по размерам, целям и функциям. В ходе обучения вырабатываются различные модели поведения, которым должны следовать индивиды в группах. 3. Цели образования в обществе не могут быть адекватно поняты, пока они отделены от конкретных ситуаций, в которые попадает каждая возрастная группа, и от социального строя, в котором они формируются (там же, с. 479).

Согласно К. Мантгейму, для того чтобы сформировать конкретного человека для конкретного общества, необходим конкретно-исторический подход к образованию.

Проблемой образования интересовались и другие представители социологии знания. В частности, П. Бергер и Т. Лукман в работе «Социальное конструирование реальности» (1966) исследуют проблему первичной и вторичной социализации.

В работе утверждается, что индивид не рождается членом общества, а появляется на свет лишь с предрасположенностью к социальности. «Гражданином» он становится в ходе длительного процесса социализации. Отправным пунктом социализации выступает интернализация. Интернализация означает постоянную и непрерывную идентификацию людей друг с другом, поскольку каждый из них участвует в бытии другого.

«Социализацию» Бергер и Лукман определяют как «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть» (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995, с. 212). В этом «вхождении» следует различать первичную социализацию, которой индивид подвергается в детстве и вследствие чего он становится членом общества, и вторичную социализацию, благодаря которой уже социализированный индивид включается в «новые сектора объективного мира его общества». Первичная социализа-

ция рассматривается авторами как «нечто гораздо большее, чем просто когнитивное обучение» (там же, с. 214). Решающей ее фазой является формирование в сознании индивида обобщенного «другого». Эта кристаллизация происходит наряду с интернализацией языка, который, по мнению социологов, представляет собой наиболее важный инструмент социализации (там же, с. 217).

Целью процесса первичной социализации является конструирование «первого мира» индивида, который обладает особым качеством устойчивости, поскольку в ходе этого процесса ребенок интернализует мир «своих значимых других» как единственно возможный для себя мир, ведь выбора у него нет. Поэтому, считают Бергер и Лукман, мир, интернализуемый в ходе первичной социализации, укореняется в сознании прочнее, чем миры, конструируемые в процессе вторичной социализации (там же, с. 219).

Вторичная социализация выступает как «приобретение специфически ролевого знания, когда роли прямо или косвенно связаны с разделением труда» (там же, с. 225). Указывается, что характер вторичной социализации зависит от статуса связанной с ней системы знания. Самой лучшей иллюстрацией вторичной социализации является развитие современного образования.

Отсюда возникает проблема социального взаимодействия между учителями и учениками, которое имеет формализованный характер вследствие того, что профессиональным предназначением педагогов является передача знания. Здесь имеет большое значение характер образования. В качестве примера приводится различие между инженерным и музыкальным образованием. «Инженерное образование можно получить в процессе формального, весьма рационального, эмоционально нейтрального обучения. Музыкальное же образование обычно включает более высокую степень идентификации с маэстро и гораздо более глубокое погруже-

ние в реальность музыки. Это различие – результат внутренних различий между инженерным и музыкальным знанием, а также между образами жизни, соответствующими этим двум системам знания» (там же, с. 235).

Тем самым в основу того или иного вида образования кладется знание, обладающее определенной спецификой, и образ жизни, соответствующий ему. Такой ход мысли лежит в русле феноменологической социологии знания, для которой реальность социального мира тождественна совокупности знаний о нем, поскольку она конструирует эту реальность.

В условиях перехода к рыночной экономике меняется отношение людей к знанию и образованию. Преобладающим становится экономическое отношение к знанию и образованию. Усилился прагматизм учащихся и их родителей. Уходит в прошлое период школьного романтизма. Учащимся не безразлично, какое знание будет получено, будет ли оно полезно в будущей жизни, поможет ли оно найти место в жестких условиях рыночной конкуренции.

Семантически значимое знание мы назовем образовательным знанием. Оно представляет собой особый вид знания, поскольку не является ни научно-специализированным, ни повседневным. Знание, которое транслирует педагог (учебник) и интериоризирует учащийся, не является в полной мере научным, поскольку требует редукции, адаптации. Оно содержит определенный мировоззренческий компонент, взамен прежнего, идеологического. Конечно, существует опасность сведения научного знания к обыденному знанию. Но в таком случае каким должно быть знание, чтобы максимально способствовать эффективности процесса образования? Образовательное знание есть важный способ конструирования социальной реальности, отмечает Г.Е. Зборовский. Именно через него осуществляется процесс социализации в учебных заведениях.